



Владимир ЖЕЛТОВ'

«ЗИНОВЬЕВ – ФИГУРА РЕНЕССАНСНАЯ!»

Александр Зиновьев – логик, философ, социолог, писатель, публицист – родился в 1922 году. Воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Преподавал логику в МГУ. В 1978 году, после того как за границей стали выходить его книги, оказался в вынужденной эмиграции, преподавал в университетах разных стран. Несмотря на то, что перестройку воспринял в штыки, в 1990 году Зиновьеву было возвращено советское гражданство. В 1999 году вернулся в Москву. Автор более 50 книг, среди которых – «Зияющие высоты», «Гомо советикус», «Запад», «Катастрожка», «Русская судьба – исповедь отщепенца», «Гибель русского коммунизма». Почётный гражданин Авиньона, Оранжа и Равенны. Умер 10 мая 2006 г.

В феврале 2007-го вдова Александра Александровича Ольга Зиновьева приезжала в Петербург, где в Фонде художника Михаила Шемякина вела переговоры о презентации одной из трёх книг супруга, изданных ею уже после его смерти. К тому времени у меня, редактора отдела культуры газеты «Невское время», сложились очень хорошие отношения с руководством Фонда, и мне была предоставлена возможность эксклюзивно и обстоятельно побеседовать с Ольгой Мироновной.

По прошествии без малого 15-ти лет я перечёл наше интервью и понял, что оно получилось настолько вневременное, что с него и пыль стряхивать не надо и правку вносить не требуется.

От «Капитала» не оставил камня на камне

В.Ж. Ольга Мироновна, талантливый человек талантлив во всём, если не во всём, то во многом. Александр Зиновьев известен, прежде всего, как философ. На предстоящей презентации,

1. Желтов Владимир Григорьевич окончил исторический факультет Ленинградского гос. университета. Работал корреспондентом и редактором отделов культуры в различных СМИ Ленинграда и Петербурга, последние годы – в газете «Невское время». Публиковался в газетах и журналах в России и за рубежом, включая США, в научных, поэтических и литературно-художественных сборниках. Живёт в Санкт-Петербурге.

как я понял, вы попытаетесь его представить во всех ипостасях: и как философа, и как литератора, и как художника.

О.З. Если перебирать грани ярчайшего таланта Александра Александровича и говорить об одном за счёт отведения в тень чего-то другого, по-моему, лучше вообще не начинать. Зиновьев – фигура ренессансная, абсолютно уникальное явление. Александр Александрович человек, проявивший себя, может быть, всё-таки сильнее всего в логике, создав свою собственную комплексную логику, создав невероятные совершенно вещи в истории современной, неклассической логики, за что его вместе со старшим Капицей, Петром Леонидовичем, вопреки советской власти, избрали в Финскую академию наук. По тем временам признание Финской академией таких мятежных людей как Капица и Зиновьев, конечно, был настоящий афронт. Зиновьев входил в число трёх ведущих логиков мира. Даже если бы он оставался в науке как автор его логической концепции, этого уже достаточно было бы, чтобы рассчитывать на бессмертие.

Вы, если и не читали, то, по крайней мере, слышали о Великой теореме Ферма, над доказательством которой сумасшедшее человечество безрезультатно бьётся в течение последних четырёхсот лет. Александр Александрович, с его невероятной ориентацией сознания, доказал недоказуемость этой теоремы. Шёл он не по методу «от противного», отталкиваясь от всех тех данных и постулатов, что были заложены великим Ферма. Грандиозный результат, достойный большого учёного.

Александр Зиновьев – фигура абсолютно знаковая и в социологии. Это человек, первым разработавший теорию современного коммунистического общества, собственно за что ему очень капризное, с очень чёткими критериями, жюри во главе с Раймоном Ароном, и присудило премию Алексиса де Токвиля, единственным русским лауреатом которой он и является. Что касается философии, то его кандидатская диссертация, написанная в 1953-м году, послужила поворотным пунктом в истории поколения. Называлась она «Восхождение от абстрактного к конкретному». По «Капиталу» Карла Маркса. От «Капитала» Зиновьев не оставил камня на камне. Он настолько скрупулезно, конструктивно анализирует, что, в самом деле, от марксизма не остается... ничего. Это был взрыв! Это был вызов. Представьте себе 50-е годы – начётничество, мракобесие, догматизм, а философия – это передовая идеологического фронта.

Зиновьева очень много переводили за рубежом, число ссылок на него в международной философской литературе огромно. Согласно социологическому исследованию, из ста ссылок на советских философов 86 было на Зиновьева, и только две на академика

Кедрова. В совокупности, исподволь и создавалась атмосфера серой зависти, вследствие которой Александр Зиновьев лишился кафедры в Московском университете имени Ломоносова.

Он несколько раз пытался начать писать «Зияющие высоты», и когда книга, наконец, была напечатана, она перевернула сознание всей интеллектуальной элиты Советского Союза. Стала бестселлером и, в какой-то мере, символом Советского Союза.

Михаил Шемякин, Иосиф Бродский, Эрнст Неизвестный, Владимир Максимов, Александр Зиновьев вынуждены были эмигрировать, но они не были в изгнании. Это страна изгнала себя из них. Все они проявились там в такой степени, что надо просто пожалеть режим, который не разобрался, кто есть кто. С мутной водой, которая заполняла их сознание, государственные чинуши выбросили и своих «непослушных» детей. А на Западе умели ценить то, что выбрасывалось из Советского Союза. И, вопреки мрачным предсказаниям тех же чинуш, и Бродский с Шемякиным не пропали, и Зиновьев не растворился.

«Это все проделки моей жены»

О.З. Что же касается изобразительного искусства, он рисовал всю жизнь. Рисовал ребёнком, рисовал в школьной стенгазете, рисовал в армии – выпускал так называемые «Боевые листки». Когда в 1956 году он пришел в Институт философии, там существовала стенгазета «Советский философ». Зиновьев, естественно, стал в ней работать. Бесконечное число шаржей, порой очень злых, ядовитых. Шаржи на мастодонтов советской философии – таких как Юдин, Константинов, Каммари – людей, которые верой и правдой служили, отстаивали, боролись, сметая все на своем пути, советской идеологии. Иовчук вообще был совершенно озверелая в философском плане фигура. Карикатуры на него то клеивали, то вырезали. И когда начальство устало от бесконечных разборок, оно взмолилось: «Ну, не рисуйте Иовчука!» И Александр Александрович стал рисовать Иовчука очень просто: кружочек и – точка. Все знали, кто это, и, по-прежнему, у стенда с газетой умирали от раскрепощающего смеха. Институт философии – идеологический институт. Приезжали представители райкома партии, горкома, идеологического отдела ЦК, топали ногами, газету снимали, делали внушения. А она продолжала оставаться той самой дырочкой в котле, через которую вырывалась струя раскалённого пара.

В.Ж. Ольга Мироновна, вы скромно умалчиваете о том, что многое из художественного наследия вашего мужа сохранилось благодаря вам.

О.З. Знаете, тут хвастаться нечем, я просто понимала, что я делаю. Я ценила Александра Александровича с первой секунды – с первой доли секунды! – как он появился в моём кабинете в Институте философии, то есть с нашей первой встречи 1 октября 65-го года. Все его творческие и чисто человеческие проявления, все его ипостаси были ослепительными. Я возмущалась отношением мужа к его рисункам. Он запрещал мне их хранить. «Ну, подумаешь, нарисовал!» Нарисовал – и отбросил в сторону! «Это выбросить! Это выбросить!» Я приходила домой с работы – корзина полна, рисунки не смятые, просто выброшены. Я тихой сапой уносила их, прятала, затем отвозила к родителям, развозила по друзьям и по знакомым. Александр Александрович человек был очень жёстких установок, всё лишнее у нас в доме – как огнёмёт сметалось. Но мне удалось сохранить тысячи его рисунков и картины.

6 августа 78-го года нас выдворили из Советского Союза. Какие-то рисунки и часть наших архивов были благополучно увезены в КГБ. Тогда, я помню, сказала: «Саша, конечно, мы поедem с двумя маленькими чемоданчиками. Хотя у нас есть, что вывезти...» – «Не повезём же мы этот хлам», – показывает на мебель. «Нет, конечно. У меня твои рисунки и твои картины, они мне дороже бриллиантов». – «Ты что с ума сошла!» – «Нет, я вывожу мою коллекцию, которую собирала много лет!..» Когда в Германии «коллекция» опять оказалось в наших руках, Александр Александрович был потрясён: «Я не ожидал, что ты поступишь вопреки моей воле!..» Я на всякий случай виновато поковыряла пальчиком штукатурку воображаемой стеночки: «Коллекция – моя, и распорядиться этим всем ты теперь не можешь».

У нас дома есть картина «Художник и модель». Художник – Зиновьев, модель – я. Картина не помещалась в дипломатический чемодан, и мы были вынуждены её разрезать пополам. В Мюнхене люди, знающие толк в искусстве, вынесли вердикт: «Придётся реставрировать». А мы не стали реставрировать. Разрез – линия, которая символизирует две наши жизни: до и после отъезда. Когда появилась возможность выставиться, Александр Александрович всякий раз говорил: «Я себя художником не считаю, это всё проделки моей жены».

«Ответственность принимаю на себя»

В.Ж. Александра Зиновьева нет с нами меньше года. И за такой относительно непродолжительный период времени вы смогли издать три книги. Это само по себе достойно уважения.

О.З. Две – переиздания. А над третьей, своей последней, ак-

кордной, завершающей книгой его философско-социологического учения – над «Фактором понимания» – Александр Зиновьев работал вплоть до 3 мая. Вы не можете себе представить состояние той, последней, недели его жизни, он не мог уже двигаться, я ему читала, он делал отдельные пометки. На голосовом уровне.

В.Ж. Названия двух книг – символические. «Иди на Голгофу» – звучит не столько как завещание, скорее, как призыв.

О.З. Это кредо Саши... Александра Александровича. Да, это программное заявление. «Я иду на Голгофу. И ты иди». Каждый иди на Голгофу. Кто в состоянии, конечно.

В.Ж. Без сомнения Александр Зиновьев был отважным человеком. Но личная смелость всегда должна быть разумной. Будучи семейным человеком, имея детей, он всякий раз должен был думать не только о себе.

О.З. Мы не в состоянии аффекта принимали все решения. Сашу арестовывали ещё в 39-м году, но меня тогда ещё на свете не было, поэтому я за те события отвечать не могу. Переломным событием в нашей жизни стали «Зияющие высоты». День, когда я поставила последнюю точку в рукописи при перепечатке. Для меня было совершенно очевидно, что книга высоченного литературного и философского, ранее не слыханного, уровня. Я позволю себе настаивать на этом – я профессиональный читатель. Я была и читатель, и редактор, и машинистка. Собственно, что и дало нам возможность сохранить тайну создания «Высот», обмануть советскую власть. В день, когда удалось переправить рукопись на Запад, у нас состоялся семейный совет: как быть? «Оля, ты понимаешь, что это за книга?» – «Да, я понимаю». – «Решать должна ты. На тебе ответственность за семью, за детей. Если мы опубликуем книгу...» Он прекрасно знал, что будет, если «мы опубликуем книгу!» У него бесстрашие одновременно чётко соединилось с математически выверенным прицельным ощущением того, что он делает. «Это лет 10 – 12 лагерей, в лучшем случае высылка меня... (то есть его), это высылка тебя – за соучастие. И не исключено, что нас лишат родительских прав! Ты понимаешь?!» Сказать, что я не понимала – ничего не сказать. Я говорю: «Саш, я сформулирую проблему иначе. Вот, ты знаешь, что у тебя написана такая книга, и знаешь, что она лежит в ящике уже не твоего письменного стола. И ты ничего не делаешь. Как ты будешь жить после этого?» Он говорит: «Если бы эту книгу прочитали хотя бы десять человек!..» – «Её прочитают сотни тысяч! Миллионы прочитают! Книга станет бестселлером!» – «Оля, остановись!» –

«Саша, мы будем печатать! Ответственность я принимаю на себя. Я не псих. Наши дети – наши дети. Но «Зияющие высоты» – это тоже наш ребёнок!»

В.Ж. Чем было вызвано возвращение в Россию? Что мешало Зиновьеву оставаться русским философом, проживающим в Германии?

О.З. Можно и в таком положении пребывать. У нас немецкое гражданство. Но, то, что произошло с Югославией в конце 90-х годов, напрягло Александра Александровича до такого состояния, что он сказал: «Оля, мы здесь уже больше жить не можем. И наша страна находится в страшной опасности». Страна, вы знаете, как она с ним поступила. Но Александр Зиновьев был человек долга, человек совести, он всегда был выше личного, нанесённых ему обид и оскорблений. Человек высокого гражданского сознания, мыслитель–гражданин. На его памятнике, который будет открыт 10 мая на Новодевичьем кладбище, начертано только два слова: «Мыслитель и гражданин». Эти слова – ключ, который объясняет его жизненную позицию. «Надо забыть всё то, что касалось меня лично, – говорил Александр Александрович. А ещё он всегда подчёркивал, что советской власти досталось от него больше, чем ему от неё. Это факт. И тогда Саша сказал: «Я должен вернуться в мою страну, чтобы умереть с моим народом».

Гарантия полной независимости

В.Ж. По-моему, Владимир Войнович мне говорил, что ему вернули гражданство, а жильё в столице возвращать и не подумали.

О.З. Совершенно справедливо. Нам гражданство вернули с жуткими извинениями со стороны правительства, подписал вердикт Горбачёв Михаил Сергеевич, за что я ему благодарна. Как нас лишили гражданства, не спросив, так и вернули, не спросив, весной 90-го года. Когда нас изгоняли, за нами с таким треском захлопнули железные двери железного занавеса, что мы поняли: мы уже по ту сторону – и добра, и зла, и истории. Всего! Мы были – как замурованные. Вернее, вымурованные из Советского Союза. И вымаранные! Имя Зиновьева было вымарано из всех учебников по логике. Из всех учебников философии, из всех энциклопедий. Вплоть до того, что в военкоматах нигде не было его личного дела, оставались только номерки дел. Я берусь это утверждать, потому что столкнулась с этим, когда добивалась пенсии для него. Да, мы вернулись – вернулись на свои собственные деньги. В этом есть гарантия той полной независимости, которой мы дорожили в течение всей нашей совместной жизни.

Москва – Санкт-Петербург